

Игорь Шиповских *Пять сказок о смекалке*

Новеллы-сказки

Игорь Шиповских

**Пять сказок о смекалке.
Новеллы-сказки**

«Издательские решения»

Шиповских И.

Пять сказок о смекалке. Новеллы-сказки / И. Шиповских —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983935-0

Сказки о проворстве и находчивости, о смекалке молодецкой и жадной скупости купецкой, о честном труде и поживе безмерной, о сообразительности и, разумеется, о внезапной любви, ведь без неё никак нельзя, лишь она, любовь, делает каждую историю волшебной, сказочной и даже загадочной. Ну а действия этих историй развиваются в нашем царстве, в прекрасном государстве, и в те замечательные времена, когда реки были полноводны и чисты, леса дремучи и зелены, а в домах водились разные странные существа...

ISBN 978-5-44-983935-0

© Шиповских И.
© Издательские решения

Содержание

Сказка о смекалке молодецкой, да о скупости ума купецкой	6
Сказка о мельнике Никитушке, юной графине Марине и болотном чудище Хапиле	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пять сказок о смекалке Новеллы-сказки

Игорь Шиповских

© Игорь Шиповских, 2020

ISBN 978-5-4498-3935-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о смекалке молодецкой, да о скупости ума купецкой

1

Случилась как-то в былые времена, а именно в позапрошлом веке в уездном городке Энске, кой затерялся на просторах первопрестольной губернии, одна очень примечательная история достойная определённого внимания. Теперь её уже почти никто не вспоминает, однако по прошествии многих лет, думается, настала пора освежить её в памяти людской, дабы она послужила добрым назиданием для нового поколения недорослей. И так, начнем.

На одной из самых роскошных и презентабельных, если так можно выразиться, улиц Энска, аккурат подле центральной ярмарочной площади, жил да поживал хитрый делец, лукавый купец, Усман-полнотелый гордец. Ну а так как он является одним из первостепенных героев истории, то мы, пожалуй, особо отметим его некую главную заслугу.

А заключается она вот в чём; за всю свою жизнь, а была она у него недолгая всего-то среднего периода, зашиб он посредством плутовства и обмана приличный капитал, коим чрезмерно кичился. А добился он этого так, проводил множество нечестных жульских сделок, устраивал каверзные торговые комбинации, писал фальшивые бумаги, выдавал посредственное за благое, в общем, плутовал, как мог.

Бывало, понаберёт в столице на мануфактуре дешёвого некачественного сукна, привезёт его в Энск, да выдаст за самый лучший заграничный товар. Понашлёпает на него всяких иностранных ярлыков да бирок, и ну его у себя в лавке на ярмарке продавать-расхваливать.

– Смотрите девицы-красавицы, какое я вам чудо привёз! Вы такого в жизнь не видывали и не нашивали! Так что дамы не скупитесь и деньгами вы не жмитесь, налетайте всё скупайте! – горланил он, накручивая цену местным барышням-модницам из среднего сословия.

А те уши поразвесят, наслушаются его заманчивых призывов, и давай дешёвое сукно втридорога скупать. Понаберут, платьев себе да нарядов понашьют и ходят меж собой красуются. Ну а Усман знай себе, денежки подсчитывает. Его вовсе не волнует то, что через месяц это сукно на кусочки расплзётся-разлезется. Ему до этого и дела нет, он только успевай отговариваться, мол, неправильно барышни его ткань носили, дескать, кроят, как хотят, вот у них всё и наперекосяк.

И вот такими жульскими уловками он себе капитал-то и сколотил, и ещё даже керосиновую лавку прикупил. Хоть по столичным меркам его капитал и был несравненно мал, но зато здесь на периферии в Энске он считался довольно-таки увесистым. Усману его на многое хватало; и на двухэтажный дом с мансардой, и на участок с яблочным садом, и на огород и ещё на много какие его причудливые забавы с увлечениями.

И одной из таких его забав-увлечений была страсть к лошадям и разным модным повозкам на рессорах. Обустроил он себе на заднем дворе небольшую конюшню и скромный каретный сарай, всего-то на два экипажа, впрочем, и лошадей-то у него была пока только одна гнедая кобылка. Хотя в ближайшее время он собирался добавить ещё одну.

– Вот только пару новых лавок на ярмарке открою, ... товару понавезу, ... так сразу же вторую кобылку и заведу ... – каждый раз зарекался он, как только его гнедая опять устав от постоянной езды отказывалась впрягаться в экипаж. Ох, и строптивая же была лошадка. Однако её строптивость Усмана несколько расстраивала, и он уверенно продолжал и дальше плутовать да жульничать, тем самым всё больше приумножая свой нечестно нажитый капитал.

2

И всё бы хорошо, но у него появился дерзкий и наглый соперник-злопыхатель. А жил тот соперник на соседней улице, которая по своему убранству и изобилию ничуть не усту-

пала улице на коей жил сам Усман. На ней было много чего ладного; и сады красивые цвели, и достойные люди водились, и мощёная брусчатка была, да и добротные дома стояли в коих зажиточные жильцы проживали.

Вот одним из таких жильцов как раз и был тот самый злопыхатель. Краснощёкий и чубатый, фат и щёголь Тельман. Вот он-то и вызывал резкое раздражение и зависть у Усмана. И ведь было почему, Тельман не ходил в простых горлопанах купцах и не стоял за прилавком, а был он владельцем торговых лавок на ярмарочной площади, и, будучи в ладах с самим городничем очень-но выгодно сдавал их внаём. Ну и, разумеется, Усман, впрочем, также как и все другие купцы, пользовался его услугами. А отсюда и зависть к нему, и неуёмная жажда к соперничеству.

Едва Тельман у себя в доме новый комод поставит, как Усман сейчас же к себе такой же тащит. Тельман наличники на окнах поменяет, глядь, и Усман себе перевешивает. Да ещё и за ценой не постоит, норовит всё подороже да покрасивши устроить.

– Я этого фата-щёголя превзойду, перескачу! Подумаешь, он торговые лавки имеет, ... а я товарами занимаюсь! Я купец! Ну не будь меня, чтобы он тогда делал, ... кому бы он свои лавки сдавал, ... ходил бы как голодранец нищий! Вся сила в нас, в купцах, всё на нас держится! Мы главнее всех! – заносился Усман стремясь перещегоолять соперника. Из кожи вон лез, тужился, но старался всё лучшее взять. Ну а Тельман в свою очередь тем же самым занимался. Как только что-то новое да добротное у Усмана приметит, так тут же себе точно такое же приобретает.

Вот так всё и было. Ни в чём, ни тот ни другой уступать сопернику не собирался. Оба были одинакового строптивного характера, но не только, ещё они и роста были одного, и возраста, и похожей комплекции, и даже жульству и плутовству их обоих учить не надо было, умели они это сверх меры делать. И всё же, невзирая на все эти схожести, кое-какие различия меж ними существовали, а заключались они в их пристрастиях и увлечениях.

Если у Усмана было пристрастие к лошадям и экипажам, то у Тельмана наоборот имелось большое влечение к механике. Уж так ему нравилась новая по тем временам придумка, выписанная им из-за границы. А была это, синяя, с бело-красными полосами по бокам, отличающаяся медью и серебром, двуосная машина на керосиновом двигателе. Ох и много же она того керосина потребляла, прямо прорва какая-то. Тельман полный бак зальёт, пару кругов по городу сделает, гусей да уток распугает, а уже пора опять добавлять. Вот так и заправлялся через каждую езду, благо керосину в городе навалом было, и он дёшево стоил.

Но это полбеда, беда началась, когда они вместе с Усманом, оба вдруг одновременно, жениться надумали. Нет ну, разумеется, кто-то из них первый замыслил, а уж второй подхватил. И вот тут-то понеслось, такая катавасия поднялась, что и в двух словах не описать. Но и в этом своя загвоздка была. Решить-то жениться они решили, а вот выбрать невест не могут. Только Усман себе богатенькую кралоу наметит, смотришь, а Тельман для себя тут же ещё богаче отыщет. Так у них всё дальше и пошло, выбирают, меняют, с одной невесты на другую перескакивают. И уже всех зажиточных дворянок перебрали, и уж за красавиц мещанок взялись, а определиться всё никак не могут. Усман кричит.

– Я тебе в этом деле ни за что не уступлю! Будет у меня жена и богаче и красивей твоей! – да сапогом оземь как хлоп.

– Э нет, купчишка! Это у меня жена и богаче и знатней твоей будет! Ха-ха! А твоя-то с ней и близко не сравнится! Твоя лишь на то и способна будет, что для моей жены наряды да платья подавать! – смеётся Тельман ему в ответ.

Вот так и рядили-спорили. Рассядутся они бывало по своим экипажам, Тельман в керосиново-механический взберется, а Усман в гужевой запряжной залезет, и ну давай без устали по городским улицам и переулкам шастать. Невест себе выискивать. И ещё неизвестно чем бы это всё закончилось, если бы не один занятный случай. А вышло вот что.

3

Проживал в соседнем с городом дремучем лесу дядька-лесовик, знахарь отшельник Трутовик. Это его так народ прозвал. И вот почему, жил тот дядька особняком в глуши, подальше от мира и поближе к лесным чащам, целил людей больных да зверей подранков, и пользовал он их травами, кореньями, грибами да заговорами старинными. А дремучий лес для него лучше любой аптеки был. Собирал он в определённом месте и в должное время особые растения, кои людей исцеляли почище, чем иные городские доктора. Знал знахарь в них толк, и умело применял, а умение это ему из поколения в поколение от деда прадеда передалось.

И вот за эти его способности народ и величал его Трутовиком лекарем лесным. Ну а чтобы его травы да коренья людям ещё больше доступней были, он их из леса раз в месяц в город на ярмарку приносил да за сущие копейки раздавал. А на копейки эти всегда кое-какие гостинцы прикупал и в лес с собой забирал. Людям, конечно же, это любопытно было, и они его частенько спрашивали.

– И кому же это ты всё берёшь? Вон в прошлый раз платице купил, до этого ткани отрез, да шаль суконную взял,... а ведь жены-то у тебя нету,... живёшь бобылём! иль уже завелась какая? пошла за тебя лесовика дремучего? – весело ерничая, донимали его бабки торговли. А он им без обиды отвечал, отшучивался.

– А как же не завелась,... конечно, завелась! Вот давеча увязалась за мной одна старушка хохотушка,... всё просила, покажи, где живёшь да чем торг ведёшь? Ну, я взял её с собой,... показал, где живу, чем торг веду,... напоил, накормил, а она возьми да останься! Вот теперь ей гостинчики и ношу! – смешил он весёлых старушек. А те слушали его да потешались, и уж с вопросами больше не приставали, спрашивать ни о чём не желали.

Хотя спросить-то как раз было о чём, ведь не зря же он в лес гостинцы носил. А носил он их не абы кому, а своей доченьке лапушке. Да-да, была у Трутовика отшельника дочь юная. Ох, и красавица, ну просто загляденье. Волосы чёрные аки смоль, в тугую косу сплетены, губы алые как ранний рассвет, улыбка белоснежная, глаза ясные, голубые словно небеса, фигурка точёная, стройная как берёзка полевая. Такую девицу в городе днём с огнём не отыщешь, такая только на свежем воздухе в раздольных полях и нивах появляется. А звали её по-лесному, звучно и нежно – Олеся.

И откуда такая пригожая дочка у дремучего дядьки-знахаря взялась, не знал никто кроме него самого. И даже ей, малой лапушке Олесеньке, когда она ещё только подрастать начала и спрашивать его стала, где её матушка, Трутовик отвечал, что, мол, не ведаю где её матушка, а её саму он рядом с полем под малиновым кусточком нашёл. Дескать, за грибами шёл и нашёл, вот и весь сказ.

А ведь отчасти это было правдой. Хоть и жены у Трутовика никогда не было, но пылкая любовь была. А любил он в былые годы одну красавицу, цыганку чёрноокою, кою в лесу негаданно повстречал. Была она из табора, что неподалёку в перелесье на передышку от бродячей жизни встал. Так они и сошлись, две души молодые. Однако по законам бродячих цыган не могла девица с чужаком видаться.

И тогда стала она к нему в лес из табора по вечерам бегать. Встречались они тайно и были счастливы. Но недолго их счастье длилось, всему приходит предел. И вот однажды табор внезапно снялся и ушёл куда-то вдаль, а на его месте в кустах дикой малины остался лежать небольшой моток тряпья, в коем была аккуратно закутана крохотная малютка. Это-то и была дочь юной цыганки. Её-то чуть позже и нашёл Трутовик, отправившись на поиски своей возлюбленной, которая не пришла к нему в назначенный час.

Так вдруг, он, сам того не ожидая, стал отцом маленькой прелестной девочки. А что стало с её кареглазой матерью, и куда дальше унесла её цыганская жизнь, он так никогда и не узнал, как не пытался. И может именно поэтому растил он дочку с особым усердием и прилежанием, ведь она стала для него самым важным и главным человечком на свете. Вот и выросла она

у него вся ухоженная, обласканная, красивая, да ещё и умница несказанная. Ну и, разумеется, отцу во всём опорой и помощницей служила.

Бывало некогда ему по лесу бродить да травку с ягодками собирать, ну он её и попросит. А уж она тут как тут, бежит скорей по полянам да по пригоркам отцовский наказ выполнять. Всё найдёт, всё соберёт, домой принесёт и ещё песенку споёт, кою в пролеске от пичуг сладкогласых услышала. Вот она, какая дивная девица была, добрая, весёлая, отзывчивая. За это отец её и баловал, гостинцы да подарки ей разные с ярмарки приносил.

Так они и жили, дружно и ладно, не горевали и не тужили. А тут вдруг случись отцу нечаянно оступиться да ногу повредить. Хотя и несильно, но всё же ощутимо для того, чтобы он в этот день не смог на ярмарку идти. А ведь его там уже ждали, он как раз сегодня обещал людям принести новые снадобья так им необходимые. И ведь он их уже приготовил, и сбор травяной от подагры, и цветочный настой от кашля, и отвар из корней от сердечных болей.

– Эх, доченька не смогу я ныне подняться,... видать пришла твоя пора в город отправляться,... а я чуток отлежусь да в другой раз схожу,... теперь мне уж совсем не сподручно... – вздыхая от досады, объявил он Олесеньке.

– Да как же так батюшка!? Я ведь не была там никогда и даже не знаю, как туда попасть! Может, люди обождут, а ты им потом лекарства принёсёшь?... – слегка растерянно спросила она его.

– Э нет, потом нельзя,... люди сейчас ждут,... им лечиться надо,... они же надеются на меня и их подводить никак невозможно! А ты у меня девчонка бойкая, сноровистая,... непременно разберёшься, как на ярмарку добраться, и кому там какие снадобья раздать. Да я тебе сейчас всё расскажу и покажу... – настойчиво уверил отец и тут же стал на листочке бересты черкать и подробно объяснять, как ей лучше в город пройти да как там ярмарку найти.

И это он правильно решил, ведь Олесенька до этого и вправду никогда в город не выбиралась, и не знала как ей там себя вести. Однако объяснение дело недолгое, и отец наскоро рассказав ей, что к чему, стал собирать её в дорогу. Ну а Олесенька девушка смекалистая, всё сразу поняла, все объяснения усвоила, и прямо тут же уложив в туесок нужные склянки со снадобьями, отправилась в путь, как ей и было наказано.

4

И хотя дорога до города была недалёкой, и в полдень Олесенька вполне могла бы быть уже на месте, как вдруг по пути, почти на подходе к околице, у неё случилась нежданная встреча. А встретила она, молодца богатыря, местного мастера-кузнеца, Ивана добряка. Он в эту пору, как обычно, по соседнему леску по узкой тропинке прогуливался, свежим воздухом наслаждался да у матушки-природы силушки молодецкой набирался, чтобы вечером по наковаленке без продыху молотом бить. Ведь к вечеру у него как раз самая работа и начиналась. У кого за день обода расхлябаются, у кого кобыла раскуется, а кому и новую рессору на экипаж приладить надо, здесь-то все к нему сразу и бежали. Вот он с утра и гулял, сил набирался.

А тут как Олесеньку-душеньку заприметил, так и оторопел весь, встал как вкопанный и ему уже не до силушки богатырской. Сердце у него ёкнуло, глаза загорелись, он уж и шагу ступить не может, только еле губами шевелит, вроде как сказать что-то хочет. Ну а Олесенька увидела добра молодца с такой глупой да перекошенной физиономией и давай над ним смеяться потешаться.

– Ты чего это парень?... язык, что ли проглотил?... иль кислого чего съел?... а может ты духа лесного увидел?... – хохоча, спрашивает она его, да обойти пытается. Ведь он здоровяк, стоит, всю тропинку занял, и с места не двинется.

– Да какой там дух лесной,... увидел я девицу-красавицу, краше которой на всём белом свете не сыскать! Откуда же ты такая пригожая тут взялась?... уж, не из сказки ли пожаловала?... – найдя сил, слово молвить, залепетал Иван.

– Ах-ах,... так значит говорить-то ты всё-таки можешь!... а ну дай-ка мне пройти, ишь растопырился,... некогда мне тут с тобой изъясняться! На ярмарку я тороплюсь,... отцовский указ выполняю,... меня там люди ждут, а ты отвлекаешь! – слегка сердито говорит она Ивану, а сама уже чуть по-другому на него смотрит. Видит, глупость-то с лица его сошла, оно расправилось, и парень-то симпатичным оказался. А он всё никак от красоты её отойти не может, и разговор затягивает.

– Да что же это у тебя за отец такой?... что за человек, коли родную дочь одну в лес отпустил?... И как же тебе самой-то по чаще бродить не страшно?... Неужто ты лесных зверей не боишься?... а ну как они на тебя нападут и до смерти перепугают?... – не умолкая, сыпет вопросами Иван, а сам в широкой улыбке расплылся, на Олесеньку смотрит, любитесь, и отступать от неё не желает. Да она уже и сама не торопится, приглянулся ей Иванушка.

– Ах, так ты хочешь знать кто мой отец? Ну, так знай, знахарь Трутовик мой отец! Может, слышал про такого? он человек добрый, а отпустил он меня, только потому, что я всю свою жизнь в лесу провела и ничего не боюсь, не из пугливых я! Думаю, что скорей среди людей больше зверей встретишь, нежели чем в чаще лесной найдёшь! По мне так, человек городской гораздо опасней, чем зверь лесной. Вот ты, к примеру, кто такой будешь? встал тут у меня на пути и не пускаешь! Таишься, хитришь, глазами хлопаешь да улыбаешься! Скрываешь от меня, кто ты есть,... а ведь я тебе про себя всё рассказала! Ну-ка, говори кто такой? – быстро взяв инициативу в свои руки, нарочито нахмурившись, затребовала Олеса.

– Так я и не скрываю,... ну что ты, бог с тобой! Я кузнец с ярмарки,... да меня весь город знает! А про отца твоего я слышал,... и даже несколько раз видел его. Люди о нём только хорошее говорят, положительно отзываются и хвалят его чрезмерно! Многим он помог от болезней избавиться, многих на ноги поставил, да хвори-напасти неизлечимые отвёл. А уж если ты его дочь, так выходит и ты человек хороший! Ну а я почту за честь проводить тебя, да угодить чем смогу... – разомлев от такого откровенного разговора, предложил Иван, и по-прежнему продолжая довольно улыбаться, поклонился ей в пояс.

– Хм... да как хочешь,... можешь и проводить... – игриво жеманясь, кивнула в ответ Олеса, – да я ведь тебе уже говорила, что я не из пугливых,... могла бы и сама дойти,... но уж раз ты так настаиваешь тогда пошли. Ну а заодно ты мне и расскажешь, как вы там у себя в городе живёте да что у вас хорошего есть... – лукаво усмехнувшись, согласилась она на его предложение. А Ивану-то того и надо. Почувствовал он, что девица взаимностью ему отвечает, и давай соловьём заливаться да про городские новости рассказывать. Лопочет, воркует, старается на неё благоприятное впечатление произвести.

И ведь ему это неплохо удалось. А всё потому, что он хоть и трудился простым кузнецом, но парнем был умным, образованным и даже просвещённым, так как много читал, ума набирался, а по кабакам и корчмам не шатался. И пока они вот так остаток пути до города шли, Иванушка ей много чего интересного порассказал. А за рассказами ребята и не заметили, как познакомились, как подружились, и как в их сердцах зажглась нежная и трепетная любовь, вспыхнула и уж теперь не потушить. Полюбили касатики друг дружку как лебедь с лебедушкой, один раз и на всю жизнь. Да это и немудрено, ведь они оба такие юные, ладные, милые, опрятные, как же тут не полюбить.

Но вот ребята уже и на ярмарку пришли, и уже Иванушка показал Олесе, где её батюшка обычно стоял, и уже к ней люди за снадобьями подходить начали, а они всё никак расстаться не могут. Уж так их захватило. Однако Иванушку вдруг кто-то окликнул, мельнику срочно понадобилось лошадь подковать, и ребята, сговорившись о встрече чуть позже вечером, распрощались. Иван на кузню умчался, а Олесенька тут осталась, хворым людям лекарства раздавать да объяснять, как их принимать. Она даже себе и представить не могла, сколько любопытных взглядов в этот момент было обращено в её сторону. Да уж, появление такой

необыкновенно красивой девушки вызвало на ярмарке настоящий переполох. По рядам тут же полетел шёпоток.

– Смотрите-ка, какая девица, ... ах и пригожая, ... да она же на месте знахаря Трутовика стоит, ... да и его снадобья раздаёт. Глядите-ка, а ведь она на него похожа, ... нечто это его дочь? ... так вот кому он гостинцы покупал, ... ах и хороша девица. ... – понеслись, пошумели пересуды по ярмарке, а через минуту-другую уже и по всем городским улицам с переулками. Вскоре в округе не осталось ни единого человека, кой не знал бы о дочери знахаря, красавице Олесе. Ну, тут и суматоха поднялась. И уже каждый повеса в городе считал своим долгом сбегать на ярмарку и хоть одним глазком взглянуть на красавицу.

5

Разумеется, и Усман с Тельманом тоже прослышали о госте из леса непревзойденной красоты. А прослышав, тут же засобирались в торговые ряды, на девицу посмотреть, да и себя ей показать. Разделись, расфуфырились, чубы завили, картузы расправили, сапоги начистили, жилеты понадели и бегом к девице знакомиться понеслись. И надо же такому быть, пока они бежали, то по дороге столкнулись друг с другом, прямо нос к носу. Вот такой случай-казус вышел.

– Ты чего это купчишка брюхатый на меня бросаешься!? – кричит Тельман.

– Да это ты болван лавочник на меня первый налетел! – вожню горланя, отвечает ему Усман. И давай оба разом орать да буяннить. Распетушились, голосят, чуть ли не в драку кидаются. Но, благо, вовремя остановились. Ведь у них картузы новые надёваны, жилеты застёгнуты, чубы завиты, ну не дай бог что-то повредить, как же потом перед лесной красавицей показаться, а снова завиваться да переодеваться времени уж нет, скоро вечер.

– Ну ладно хватит кричать да фордыбачиться, ... погорячились, и будет! вон народ уж собирается, ... над нами смеётся. ... – первым охолонулся Усман.

– Как скажешь купец, ... хватит, так хватит, ... но только девица всё равно моей будет! Ну не тебе же, торговцу с ярмарки сердце лесной нимфы растопить, ... тут особый подход требуется, тут деликатность нужна, ... а ты со своими ужимками лишь напортишь! – задев соперника за живое, ехидно заявил Тельман.

– Ишь ты, какой деликатный выискался! Да и не тебе, лавочнику, её покорять, ... чем ты-то её удивить сможешь? Уж не своей ли тарактелкой с керосиновым двигателем? Да она от её грохота опять в лес сбежит! Ха-ха-ха! – надсмехаясь над пристрастием Тельмана, тут же парировал Усман.

– А вот и посмотрим, чем я её завоюю, ... уж это дело моё! И коли на то пошло, так давай об заклад биться! Кто девицу покорит, тот куш и сорвёт! Ну что, ... готов ли ты пари держать? – вдруг в запале выкрикнул Тельман.

– Отчего же не держать, ... можно и держать! Но вот только для начала, надо бы на сам предмет спора посмотреть! Ведь девицу-то мы с тобой пока ещё не видели, ... что она за птица? ... вправду ли такая красавица, как о ней говорят? А то может она того и не стоит, чтоб из-за неё об заклад биться, ... так что идём-ка да взглянем, что за товар она из себя представляет. ... – рассудив аки матёрый торгаш, заключил Усман.

– И то верно, ... пошли сначала посмотрим. ... – резонно согласился Тельман, и соперники поспешили на ярмарку. А там творилось какое-то столпотворение.

Возле того места где стояла Олесенька было просто не протолкнуться. Потому как Олеся оказалась не только красавицей привлекающей всеобщее внимание, но ещё и приветливой, доброжелательной девушкой умеющей давать правильные советы и рекомендации. Каждый человек кто спрашивал её о том или ином снадобье тут же получал подробный и исчерпывающий ответ. А люди всё прибывали и спрашивали, и она, не чураясь их, без устали давала им добрые советы.

Как раз в этот-то момент на ярмарке и появились Усман с Тельманом. Подростолкав любопытствующих ротозеев и засмотревшихся зевак они насилу пробились к Олесенькиному месту. И едва заприметив её, тут же пришли в неописуемый восторг. Олесья поразила их своей удивительной грацией, изяществом и дивностью речи, с которой она объясняла людям предназначение батюшкиных лекарств.

– Ну, так это же красота неописуемая... – разинув от восхищения рот, только и смог произнести Тельман.

– Да уж, хороша девка,... вот только бедновато одета,... однако уж коли брать её в жёны, то можно и на сарафан с бусами потратиться... – пуская слюнки, деловито рассудил Усман и ринулся ещё ближе к Олесе.

– А ну расступись голь перекатная... не вишь что ль купец идёт! – горланил он, подступая вплотную.

– А что, девица-красавица, ты помимо своих снадобий, знаешь ли, ещё чего? Читать, писать обучена? Обращаться с другим товаром умеешь ли? А то ведь в моём хозяйстве одной пригожестью не обойтись! – сходу учинил он ей допрос.

– О как! Ни здрастье тебе, ни до свиданья, сразу быка за рога берёшь! А ты это кто же такой будешь, что мне эдакие вопросы задаёшь? И о каком таком хозяйстве речь ведёшь? Уж, не в женихи ли ты ко мне набиваешься? Ишь расхорохорился,... вон каким барином себя выставляешь! – вмиг сообразив, в чём тут дело, вопросом на вопрос ответила ему Олесенька.

– Ух, ты какая! да тебе палец в рот не клади! ты словно не из леса, а из школы политеса! Ну а хоть бы я и в женихи набивался,... так что... откажешь что ли? – не ожидая такого рьяного отпора, чуть растерянно ухнул Усман.

– Ага, так значит, ты понял, что читать да писать, я обучена! А вот ты, видать, не все ещё науки превзошёл! Ну а потому, прежде чем моим женихом себя величать, иди-ка ты культуре подучись! Просветись, как следует с девицами беседу вести! – насмешливо подначив его, воскликнула Олесья, отчего народ вокруг засмеялся ещё сильнее.

– Ох, и правильно ты девица говоришь,... хе-хе-хе... ну никакого в нём благородства... торгаш одним словом! А вот я могу, поразить тебя своими хорошими манерами да передовыми взглядами! Уж я-то в культуре не профан,... уж я-то в ней изрядно разбираюсь! Да у меня даже и новшество научное есть,... машина оригинальной конструкции! На которой, кстати, я тебя красавица, могу аж в самую просвещённую столицу прокатить! – оттолкнув Усмана в сторонку, похихикивая вместе со всеми, вступил в разговор Тельман.

– Ах, так и ты в женихи метишь! Вон вас как много развелось-то! Прямо один за другим выскакиваете! Да вот только вам обоим и невдомёк, что у вас образованности не хватает, чтоб культурными людьми себя считать! Ну, вот чего вы со своими делами ко мне лезете, когда я с людьми разговариваю,... дойдёт до вас очередь, тогда и слово скажете,... а сейчас ну-ка пошли оба прочь! – уперев руки в боки, сердито прикрикнула на несостоявшихся женихов Олесенька, и под общий хохот проводила их укоряющим взглядом. Ну а те быстрее быстрого убрались восвояси, отошли в торговые ряды и давай меж собой судачить.

– Да, а девка-то и вправду отменная,... горяча как огонь, хороша обликом и способна за себя постоять,... эх, такую бы в моё торговое хозяйство,... цены бы ей не было,... а уж прибыли бы от неё полны карманы наметал... – мечтательно вздохнув, заявил Усман.

– Да что там твоё торгашеское хозяйство,... да она достойна, украсить собой любой дом! Эх, вот мне бы её,... уж я бы её на своей машине по городу покатал,... а мне бы все завидовали... – тоже вздыхая, высказался Тельман.

– Ну, так что,... значит, договор остаётся в силе,... будем об заклад биться! И какова же теперь твоя ставка,... раз уж ты по ней так сохнешь? – махом очнувшись от своих мечтаний, вернулся к делу Усман.

– Эх, да была бы моя воля, я бы за неё и своего дома не пожалел, ... на кон бы его поставил, ... а сам бы во флигельке жить остался... – всё ещё вздыхая по Олесе промурлыкал Тельман.

– Да ты что это, одурел что ли!? Чтобы из-за девицы да домами разбрасываться! Да она того не стоит, ... её ещё проверить надо, сгодиться ли она в торговом деле! Так что я пока за неё больше рубля и не поставлю! И то считаю это дорого, ... ныне вон корова рубль стоит, ... не то что, там какая-то девка... – возмущённо запричитал Усман.

– Ну, ты и сравнил, девица и корова, ... ну никакой в тебе возвышенности, ... торгош ты и есть торгош! Давай-ка жила купеческая поднимай ставку, ... не скупись! – вдруг затребовал Тельман.

– Можно подумать, ты полон возвышенности, ... какая уж тут возвышенность коли ты сам спор на девку предложил! Да ты такой же торгош-лавочник как и я, ... а значит и заклад у нас торговый будет! Не хочешь рубль, тогда я ставлю два с полтиной, ... а ведь это уже почти пол коровьего стада, ... так что давай-ка соглашайся! – чуть приподняв ставку, вновь заявил Усман.

– Ну, какой же ты всё-таки скряга, ... эх, душонка твоя скопидомская! Я хоть, по-твоему, и лавочник, но оценить девицу могу, ... и уж коли ты так скупись, то я поставлю втридорога! И клянусь, сегодня же вечером богатыми посулами добьюсь от неё первого свидания! – войдя в раж, распалился Тельман и аж сапогом оземь хрястнул.

– Ну, нет, так не годиться! Чего это ты деньгами раскидываешься, ... посулы богатые ей обещаешь, ... а ну прекрати! – затребовал Усман. И тут у них опять спор неумный вспыхнул. Стоят, рядятся, выясняют, чего им можно делать чего нельзя, какой заклад выбрать, да кто первым сватов засылать будет. А сами за пересудами того и не заметили как день уже на убыль пошёл и время к вечеру близиться.

6

А меж тем Олесенька раздав все свои снадобья, огляделась вокруг, видит, интерес к ней поутих, попривык к ней народ, поразмыслила и пошла к Ивану.

– А чего вечера-то дожидаться, ... пойду-ка я сейчас, ... посмотрю, где мой Иванушка людям помогает... – подумала она и напрямиком в кузню отправилась. Благо та неподалёку располагалась, а у самого Ивана к этому моменту свободная минутка выдалась, и он на свежий воздух от жары охолонуться вышел. А тут Олеся навстречу шагает.

– А я ведь к тебе иду, ... взглянуть всё ли у тебя хорошо, ... свои-то дела я уже закончила, ... вот и пораньше пришла... – говорит она ему и радостно улыбается, словно всю жизнь ждала этой встречи.

– А я вообще весь день только о тебе и думаю, ... сладу никого нет, ... хочу обод поменять, а сквозь его округлость мне лицо твоё светлое видится, ... беру в руки молот, а мне кажется, что ты вот-вот в кузню войдёшь и меня позовёшь, ... уж везде ты мне гредишься! Да вон смотри, колокольня высокая стоит, вся белая, величавая, росписью крытая, ... так я и в ней твой стройный стан угадываю, я и в её очертаниях тебя вижу, ... вот уж как ты мне в душу запала... – признался ей Иванушка и нежно по плечам погладил. Обнялись они и прямо тут же у всех людей на виду что рядом стояли, посмотрев друг на друга влюбленными глазами, взяли за руки да прогулочным шагом на реку отправились. А народ им вслед смотрит и восхищается.

– Ах, какая же славная пара, ... все бы так сходились, то и счастья бы на всей земле больше стало, ... мир им да любовь... – шептали за их спинами люди добрые. А ребята в радостном настроении на бережок вышли, в ближайшем ивнячке присели, пристроились, и ладный разговор завели, уж так им хотелось один на один остаться и своими впечатлениями друг с дружкой поделиться.

И вот пока они так ладненько здесь на берегу беседовали, то там, на ярмарке Усман с Тельманом чуть было опять дело до драки не довели. Соперники даже и не заметили, что Олесенька уже давно ушла, а на её месте бабка-торговка с калачами пристроилась. Однако

покричав да поогрызавшись, они всё же решили что заклад значения большого не имеет и его можно потом оговорить, собрались да пошли к Олесеньке уговаривать её на свидание, дескать, кто первый упросит, того и победа. Приходят, глядь, а там вместо Олеси бабка беззубая стоит да калачи им предлагает, продать норовит.

– Берите красавчики, ... недорого с вас возьму, ... вон, какие аппетитные. ... – молвит она им, а они на неё в крик.

– Ты чего это тут делаешь карга старая!? А ну-ка убери от нас свои грязные калачи! Где девица молодая, что здесь до тебя стояла? Куда подевалась? – в один голос заорали строптивцы. А старушка от такого хамского крика, сразу же на них и разобиделась, да хитро им так отвечает.

– Ну как где милки?... она ведь всё раздала, да и в лес домой через окружную дорогу пошла! А вам велела передать, ... что тот кто первый из вас её догонит, того она и будет! – сказала бабка, а сама украдкой ухмыляется.

– Ах, так! Значит, я первым буду! – тут же вскричал Усман.

– Нет, я! – резко возразил Тельман. И вдруг они оба враз как бросились по домам бежать, машину да экипаж на дорогу выкатывать. А то как же, ведь им самим-то в погоню мчаться неуместно, оба полнотелые, как бы чего не вышло, лопнут ещё на ходу. Ну а бабулька им вслед смотрит да посмеивается.

– Бегите-бегите невежи-грубияны, ... не умеете, старость уважать, так я вас за это проучу, ... торопитесь, там, как раз по ваши толстые бока кусты колючие да болота топкие уготованы, ... вот они-то вам за меня взбучку и устроят. ... – лукаво щурясь, прошептала она.

А соперники меж тем уже успели по домам разбежаться да по своим бричкам рассестись. Усман в гужевую, кобылкой запряжённую запрыгнул, а Тельман в механическую, керосином заправленную заскочил. Да оба одновременно как на дорогу вылетели и давай что есть мочи гнать-погонять. Усмана на свою лошадку покрикивает-погикивает.

– А ну милая не подведи скорей ветра мчи! Не дай этому задаваке тебя обойти! —

А Тельман на машину свою сквозь зубы похрипывает да посипывает.

– Эх, ласточка моя железная, жми быстрее! Поезжай, не срами, лошадь кургузую обгони! —

Но вот они уже и за околицу выскочили. Да ровень вровень по окружной дороге понеслись. Катят и никто из них уступать не хочет. Усман бедную кобылку стегает, хлещет её что есть сил. Тельман за машинные рычаги дёргает словно окаянный. Так они до ближайшего пролеска и домчали, и уже сквозь колючие кусты погнались. Заехали, бог знает куда, тут только извилистая дорога да топкие болота с некошеными лугами лежат. А на тех болотах и лугах акрома пасущихся гусей да уток никого и ничего нет.

Соперники в запале так разогнались, что и не почувяли, как в какой-то момент с дороги съехали, да вмиг перелетев через зелёную лужайку, в мутное болото угодили. У Тельмана машина сразу же в трясине погрязла, по самую белую полосу в жижу ушла. А у Усмана, лошадка хоть и тощенькая была, но всё же успела бричку чуть подальше протащить да на кочку заскочить. На ней и осталась. А сам Усман вместе с бричкой в болоте увяз, и сойти на землю не может. Вцепился в облучок, да слезть с него боится.

И правильно делает, ведь стоит ему только на зыбкую почву ступить, как он тут же по горло провалиться. С болотом шутики плохи, чуть что не так, вмиг утопнешь. Это бричка да машина за счёт своей широкой поверхности ещё как-то на плаву держатся и не тонут, а человеку-то никак невозможно удержаться. Вот и сидят Усман с Тельманом на своих местах лишь тревожно перекрикиваются, а меж тем уже и вечер грозит темнотой.

– Эх ты, болван, ... болота не увидел, ... завёл меня к чёрту на кулички! Как теперь отсюда выбраться? Скоро смеркаться начнёт, ... ночь придёт, а они нынче ух какие холодные, ... замёрзнем тут напрочь, ... и всё из-за тебя! – орёт Усман и с опаской вокруг озирается, смотрит, как его бричка медленно осадку даёт.

– Да это ты сам виноват! Гнал как заполошенный, вот и сиди теперь, не шелохнись! Честно говоря, я уже дрогнуть начинаю, ... вон зуб на зуб не попадает, ... так что ты прав, если не утопнем здесь, так замёрзнем, ... надо нам скорей что-то делать! – крикнул в ответ Тельман и, содрогаясь от болотной прохлады, тоже стал по сторонам поглядывать, путь к спасению искать.

А кругом нет ничего путного, лишь сплошная трясина ядовитыми пузырями исходит, да пару молодых берёзок на пригорке к небу тянутся. Так бы они бедолаги, наверное, и пропали бы совсем, однако им наудачу поблизости на лугу один шустрый мальчуган гусей пас, да видел, как они со всего маху в болото влетели. Поглядел он на них со стороны, посмеялся, пожалел бедняг, оставил гусей, да к ним направился.

– Что дядьки, помыть свои колымаги решили, ... ну и не вовремя же вы это затеяли, ... купаться сейчас не пора. ... – по-шутейски он им говорит.

– Да ты что обалдел!? Не видишь что ли деревенщина, мы тут в беду попали, ... потопнуть можем, а ты ржешь, словно стоялый жеребец! Лучше бы вытащил нас отсюда! – кричит ему Усман, а сам от злобы аж весь трясётся.

– Э нет, ... я не вытяну, ... да и вы утопнуть не успеете, ... вас ещё спасти можно! Есть в городе один мой хороший знакомый, ... кузнец Иван, ... вот он здоровяк, вот он вас и вытащит. ... – не спеша отвечает им паренёк и хитро улыбается.

– Так чего же ты стоишь да лыбишься, охламон, ... беги скорей за ним, дурень, ... а я тебе за это гривенный дам! – вновь прикрикнул на мальчугана Усман, и уже было полез в карман за медной монетой, но тут, как обычно, вмешался Тельман.

– Да что ты ему медяк предлагаешь! Опять скупись, скряга! Да ты ему за наше спасение серебра отсыпь! – упрекнул он Усмана. И у них тут же с этого момента вновь перепалка разгорелась. Но паренёк не стал дожидаться её конца и прервал их.

– А ну-ка потише! Вот ведь, вроде важные господа, ... вон в картузах да жилетах ходите, а того и не знаете, что порой доброе слово дороже любых денег, ... и будь то медяк или серебряк он ныне вам не поможет! Вы тут давеча мне разных грубых прозвищ надавали, ... обидели меня, ... а теперь монетку сунуть норовите! Э нет, так дело не пойдёт, ... вам бы сейчас вежливость проявить и извиниться, а не деньгами швыряться! – на удивление гордо и смыслёно заявил мальчуган. Впрочем, это и не мудрено, ведь он был не только гусепасом, но и прилежным воспитанником Ивана-кузнеца, и уж как правильно общаться с господами хорошо знал.

– Вот так пастух! Денег ему не надо, извиненья подавай! – удивлённо гаркнул Усман, и оторопело рот раскрыл.

– А то как же! Либо вежливое извинение с вашей стороны, либо сидите здесь хоть до утра! – степенно расправив плечи, добавил мальчуган.

– Да проси ты у него уже прощенья и всё тут! Что застыл, купецкая твоя душонка! – настойчиво заорал на Усмана Тельман.

– Ну, ладно-ладно, ... чё уж так горланить-то! Извини ты меня, что нахамил тебе парень, ... будь так добр, сбегай, пожалуйста, позови нам помощь. ... – вмиг переменившись, залепетал-запросил Усман.

– Вот так-то оно лучше будет! Извинения приняты! А теперь сидите здесь, и ждите пока я сбегая, ... да желательно ничего трогайте и не егозите, ... а то ещё глубже провалитесь, увальни нерасторопные! – вновь пошутив, крикнул им напоследок мальчуган и понёсся в город.

Но не по извилистой дорожке, по которой сюда Усман с Тельманом примчали, а напрямик бросился, так и путь короче и времени на беготню меньше затратиться. Ноги у мальчишки молодые, лихие, бегаёт он споро, все окрестные стёжки-дорожки наизусть знает, а потому на ярмарку примчался быстро. И только он к кузне подбежал, как видит, Иван с Олесей от речки возвращаются. Ну, он сразу к ним, да на ходу и выложил всё как есть.

Дескать, так и так, двое толстых, наглых грубиянов торгашей-лавочников, один на бричке другой на машине, в болоте застряли, а выбраться сил нет, и если их до утра из ловушки не вызволить, так они за ночь напрочь замёрзнуть могут. И тут же обрисовал их хамские манеры, мол, такие сякие, бранятся без продыху, того и гляди драку устроят да в болото попадают. А Олесенька как услышала от мальчугана про эти замашки, так сразу же Усмана с Тельманом признала.

– Так я же их сегодня видела,... они ко мне на ярмарке приставали,... не то в женихи набивались, не то свататься собирались! Ох, и вреднючие же нахалы наглецы,... ну и поделом им,... не будут больше людей задирать,... пусть чуток на болоте посидят да подумают, как себя дальше вести... – сердито сказала она.

– Ну что ты милая,... они же тоже люди,... и пускай не такие хорошие как другие, но всё же люди. Ты уж на них не сердчай,... вот спасём, они и переменятся,... враз по-иному кумекать начнут... – мягко возразил ей Иванушка, приобнял её, и уже к пареньку обратился.

– Давай-ка, пойдём и выручим их,... вытащим бедолаг, не дадим им пропасть,... показывай дорогу! – заключил он, и быстро прихватив из кузни веревку, последовал за мальчуганом. Олесенька, разумеется, с ними пошла. Так они все вместе в лес и отправились.

7

Меж тем солнце уже начало садиться и в небе появился розовый отблеск заката. Ну а Тельман с Усманом на болоте ютятся, кукуют и чуть от досады не плачут.

– Ах, зачем я за тобой увязался,... сидел бы сейчас дома в тепле, чай бы пил да крендельками закусывал... – скулит, ноет, ухватившись за рычаги Тельман.

– Да это мне надо было наплевать на твоё пари, да остаться у печи лопать с маслом калачи... – ему в тон откликается Усман. Сидят бедолаги, жалобятся друг другу, и готовы от отчаяния хоть сейчас в трясину броситься. Но хорошо не успели, помощь к ним вовремя пришла. Иван с Олесенькой и мальчишкой из-за пригорка уже к ним спешат.

– Эге-ге-гей! Ну как вы там? Не совсем ещё замёрзли? Шевелиться можете? – на бегу кричит им Иван, а они на него ноль внимания, вроде и не замечают, на Олесю усталились и к ней с вопросами домогаются.

– Ах, девица-красавица! Ты-то какими судьбами здесь? Нечто нас спасать пришла? Вот уж неожиданность! Ведь это мы за тобой в лес помчали,... да вот не рассчитали и в болоте застряли! Сидим тут и думаем, что ты уж давно до дома добралась,... а ты вона где! Ну, неужели нас бабка торговка обманула,... ведь нам-то она сказала, что ты с ярмарки ушла да домой пошла,... видать провела нас старая карга!? – заголосили они, да руки свои загребушие к Олесеньке тянут.

– Нет, не пошла я домой,... а пошла я к своему Иванушке в кузню,... ведь он мой милый, он мой избранник и жених... – улыбаясь, заявила она им.

– Да как же так!? Ведь он простой ярмарочный кузнец! Да у него же нет ничего,... ни лавок торговых, ни товаров фартовых, ни казны богатой, ни бороды кудлатой,... а ты с ним! Вот мы, богатые купцы, у нас денег полные ларцы, закрома от товаров ломятся, а ты его нам предпочла,... что за чудеса такие!? – ещё пуще заверещали Усман с Тельманом.

– Эх вы, люди торговые, вам бы лишь считаться! Ну, неужели для вас невдомек, что в жизни не всё богатством измеряется,... ну вот как можно любовь деньгами измерить!? Капиталы-то вы нажили, но вот чувственности не приобрели,... а от того бедны и глупы! И не понимаете, что предпочла я его вам уже только потому, что люблю его сердечно! Мне с ним так хорошо, что и богатства никакого не надо, лишь бы он рядом был,... смотрю я на него, и у меня душа поёт! Вот так-то господа лавочники! – ответила им Олесенька, отчего они вообще дар речи потеряли, рты пораскрывали и лишь глазами хлопают. Тут уж и Иванушка за дело взялся.

– Да что с ними говорить,... они ведь за рубль прибыли и мать родную не пожалеют! Ладно, чего уж там,... теперь их и не переделать,... лучше зачнём из болота вызволять,... а то

не ровён час им в рот вот-вот вода попадёт... – весело пошутил он и давай по сторонам оглядываться, смотреть, чтобы ему такого найти, дабы их из болотного плена спасти. А Усман с Тельманом как про рубль прибыли услышали, так опять голосить начали.

– Ты это откуда про рубль знаешь?... ведь мы когда спор держали первой ценой как раз такую ставку назвали! – кричат они Ивану.

– Да ничего я не знаю,... ни про какой рубль, ни про какую ставку,... я просто так сказал, а вы уж и признались... – ответил он им, а сам к молоденькой берёзке, что повыше других была, подходит и на прочность её пробует.

А Усман с Тельманом всё никак уняться не могут, распалились, и давай наперебой про своё сквалыжное пари рассказывать. Олесенька с мальчуганом рядышком стоят, слушают их, да только посмеиваются. Им-то это в диковинку, как же так можно, на девицу спорить, да ещё при этом и деньгами скупиться.

А Ивану и слушать-то их некогда, он знай себе, дело делает. Берёзку ощупал, на гибкость её проверил, верёвку с пояса снял, аркан накрутил и с размаха на макушку забросил. Закрепил, расправил, отошёл чуть подальше и стал натягивать, берёзку к земле клонить. Да так это у него ловко получилось, что середина ствола как раз напротив машины Тельмана оказалась.

– А ну хватайся! – кричит ему Иван да берёзку ещё ближе к машине подтягивает. Ну, Тельман и ухватился за её ствол как утопающий за соломинку. Иван верёвку ослабил, берёзка расправилась, и Тельман скатился по ней на землю, словно колобок с горки.

– Ну, вот одного вытащил,... теперь за второго пора браться... – задорно посмеиваясь, сказал Иван, да тут же с другой стороны трясины заходит и уже к бричке Усмана берёзку подводит.

– Ну, теперь твоя очередь,... давай держись! – велит он Усману. А тот точно также как Тельман за деревце хватается да из болотного плена спасается. И вот они оба уже с земли поднялись, стоят, с ноги на ногу переминаются, пыхтят, руками машут, себя охлопывают, согреваются. Ну а Иванушка меж тем, с кочки на кочку перескакивая, до лошадки Усмановой добрался, распряг её быстро, на спину взвалил да обратно таким же способом вернулся. Вынес кобылку с болота, на твёрдую землю поставил, пот со лба утёр и говорит.

– Вот вам лошадка, садитесь-ка вы на неё да поезжайте по домам! Но только уж впредь на девиц-красавиц не заглядывайтесь, пари на них не заключайте, да и по лесам за ними не шастайте,... не про вас они! Может оно конечно казна ваша и позволяет вам вести себя по-хамски и богатством своим кичиться,... но я считаю, что вы того недостойны,... потому как душой вы нищие! Так что сидите-ка вы лучше дома у печи,... там и грызитесь-ссорьтесь, а на вольные просторы не суйтесь,... не на вас они рассчитаны, уж больно вы для них хлипкие! Ну а брички ваши я опосля из болота выну да вам доставлю. А сейчас мне недосуг,... темнеет уже и мы с моей Олесенькой пойдем, погуляем,... на ясную луну да на звёздное небо посмотрим! Ну а вы езжайте по добру по-здорову пока совсем не околели! – широко улыбаясь, заключил Иванушка, усадил Усмана с Тельманом на кобылку и в дальний путь отправил. Так они и ускакали несолоно нахлебавшись.

А Иван с Олесенькой не торопясь помогли пастушку гусей в кучку собрать, да по лунной дорожке пошли его домой провожать. Идут за руки держаться и наглядеться друг на дружку не могут. Уж так они своей любовью переполнены, что теперь счастливей их на Земле никого нет. И то верно, ведь кто душою щедр к тому и любовь, и радость сами тянутся, счастье знает, с кем ему быть...

Конец.

Сказка о мельнике Никитушке, юной графине Марине и болотном чудище Хапиле

1

Есть на Московской земле одно очень примечательное место, и находится оно в живописном распадке между двумя старинными сёлами, Преображенским и Семёновским. А примечательно это место тем, что в былые времена по нему протекала небольшая речка Хапиловка, на коей располагалось несметное количество водяных мельниц. Вот именно это-то обстоятельство и сделало речку необычной.

А надо добавить, что брала эта речушка своё начало из Архиерейского и Виноградного пруда, кои расположены в нескольких верстах вверх по течению. Ну а впадала она в речку Язу. И хотя Хапиловка была не особенно длинна и велика, зато изрядно витиевата и имела немало разных тенистых заводей с болотными трясынами.

Однако, невзирая на всю эту её мрачную причудливость, она исправно служила людям и давала им неплохую работу. За что они в свою очередь были ей очень благодарны и берегли её. Прочищали ей русло, строили платины, регулировали течение и поддерживали порядок на её берегах. И всё же, все эти старания не стали препятствием тому, чтобы в её заводях завелась нечистая сила. И ведь это, несмотря на то, что вытекала она из Архиерейского пруда, и по здравому рассуждению освещённая вода из него должна бы была отпугивать всякую небылицу.

Но толи, потому что нежить была другой веры, или же заводи в которых она обосновалась, были заговорённые, никакое Архиерейство на неё не действовало. И то правда, ведь нечисть та была не нашей простой родной, а чужеземной завозной. То были не близкие нам черти обычные да кикиморы привычные, а гоблины и тролли заграничные. И уж откуда они в тех болотах и заводях появились, никто толком объяснить не мог.

Хотя, батюшка-поп из Семёновского прихода не раз говаривал что, мол, они там обосновались ещё в те времена, когда царь Пётр в Немецкую слободу к Францу Лефорту всяких иноземных купцов-негоциантов наприглашал. Дескать, вся эта ненашенская нечисть, понапрямившись в их дорожных сундуках да ларцах, вместе с ними к нам на почтовых каретах из-за границы пожаловала. Однако, то что батюшка-поп говорил, того уже никак не проверить, а вот гоблины и тролли остались.

И вроде бы жили они сначала лишь в Немецкой слободе на Головинских прудах и никуда оттуда не уходили. Но, сказывают, повыловив да поев там всех лягушек с пиявками, стали они перебираться в другие места, где для них ещё было в достатке всякой съедобной живности. Со временем, конечно же, и до Хапиловки добрались. И до не давних пор, жили они на ней, никому не мешая, питаясь лишь тем, что в болотах и заводях водилось. Но вскоре и тут они начали всё поедать да истреблять. Быстро истощились, иссякли местные запасы.

И вот тогда-то стали тролли с гоблинами на мельницы наведываться и там себе пропитание искать. У кого готовую муку стащат, а у кого и мешок зерна сопрут. В общем, где как кто зазеваётся, у кого, что плохо лежит, так они уж тут как тут, и всё украсть да уворовать норовят. Ну, прямо напасть какая-то, по чище любой саранчи. И ведь главное их никак не поймать, уж так они хорошо в болотах обжились. Каждую кочку, каждую трясиночку изучили, и так ловко в них прятались, что и найти-то их никакой возможности не было.

Впрочем, и искать-то их никто не спешил. Ведь те заводи с болотами, местами не из приятных были. И в них вместо нечисти можно было запросто свою погибель найти. Не туда ступил, не на ту кочку ногу поставил, и всё, нет человека, пропала душа. Только нечисть себя в них вольготно и чувствовала. Однако посреди всех речных мельников, на чьё имущество тролли

покушались, был один отчаянный парень молодец, что мог бы со всей этой нежитью совладать. И звали его Никитушка удалец.

Ух, силён и статен же он был, подковы мог запросто одной левой гнуть, уж так могуч. Бывало, возьмёт в ладонь пригоршню речных камушков, сожмёт их, а из ладошки уж и песок сыплется. Вот какой здоровяк. И ведь ничего не боялся, и никакому обидчику спуска не давал. Пришло время, и Никитушка уже было собрался в болота пойти да изрядную трёпку нечисти задать, как вдруг неожиданно-негаданно случились у него неотложные дела.

А дела те были такого толка; в низовья Хапиловки там, где она впадала в реку Язу местный важный вельможа, граф Носов, для своей милой доченьки Марины затеялся малую резиденцию, небольшой дворец для отдыха, возвести. Уж так ему, то место своей красотой и живописностью приглянулось, что он немедленно распорядился стройку начинать. Ну а дабы летний период зря не терять, решил он пока временный лагерь разбить, чтоб его любимая доченька могла спокойно прелестями природы наслаждаться.

Благо погода этим летом стояла великолепная, на небе ни облачка, воздух свежий, а солнышко так ласково грело, что всё вокруг буйным цветом расцвело и заблагоухало невероятными ароматами. А уж коли граф, что решил, то так тому и быть. Незамедлительно раскинули шатры, настелили ковры, соорудили беседки, и столы расписные поставили. Ну, всё чин чинарем, как и положено по графскому статусу. Ну а где столы стоят, там ясное дело и хлеб нужен, а где хлеб там и мука, ну а где мука там и мельник. А он вот он, рядом, только руку протяни. Ну, графский приказчик и протянул её, взял да и пошёл по мельницам справно мукомола искать. Вот тут-то и выяснилось, что у нашего Никиты-молодца мука самого лучшего помола. Приказчик его и выбрал.

Так Никитушка и подрядился к графскому столу муку поставлять. Ну а как же, дело-то прибыльное, хотя и хлопотное. Вот потому до каких-то там шкодливых троллей да гоблинов руки у него и не дошли. Пришлось ему на время о них забыть, уж больно много работы на него навалилось. У графа прислуги хоть пруд пруди, а тут ещё и строителей что дворец мастерили кормить надо. Всем хлебушка подавай. Вот и вынужден был Никитушка по два раза на дню на графскую кухню няньке-кухарке муку доставлять.

Ну а уже она из неё чего только не пекла. И пироги, и блины, и оладьи на меду, и даже торты с кремом делала. Вот какая знатная мука у Никитушки была. А дочка графская Марина всю эту выпечку любила и, кстати, очень хорошо разбиралась в ней. Ну а, разбираясь и зная в ней толк, сразу распробовав вкусность пирогов из знатной муки, она как бы невзначай спросила свою няньку-кухарку, откуда, мол, мука? На что та ей ответила.

– Привозит её местный мельник молодой,... аккуратный, опрятный и очень внимательный,... мука у него всегда высшего качества. А уж, какой он сам красавец,... и слов не хватит про это рассказать! Высок, статен, косая сажень в плечах,... а взгляд у него такой, что прямо в душу смотрит,... не мельник, а принц заморский... – вот каким красавцем описала нянька Никитку. А графинюшка-то как услышала из её уст такой красочный пассаж, так никак успокоиться не может, и опять её спрашивает.

– Ну, уж прямо принц,... скажешь тоже,... наверняка тебе сейчас и конюх с Немецкой слободы маркизом покажется! Впрочем, мне любопытно стало,... и где же его такого красавца увидеть можно? – не на шутку загорелась юная графиня.

– Да как где,... он каждый вечер ко мне в шатёр свежую муку привозит,... а я сразу из неё на завтра тесто завожу... – отвечает нянька, а сама уж видит, как Маринушка молодцем заинтересовалась, и улыбается.

– Вот как,... ну что же, очень хорошо. Ну, так ты нянюшка, как он сегодня вечером объявится, позови меня! А я на него посмотрю,... что же это за чудо такое! Только ты уж меня не в сам шатёр зови, а оклики так, чтобы я могла со стороны взглянуть,... ладно? – тоже усмехнувшись, попросила Марина.

– Ладно,... как же не ладно-то,... а пока, иди-ка ты милая, погуляй,... а уж я тебя чуть погодя позову... – лаково отвечает ей нянька, да дальше давай по хозяйству хлопотать. Ну а Маринушка, предвкушая на вечер весёлое занятие, тут же отправилась по бережку прогуляться, да пышной природой полюбоваться.

Уж так ей нравилась местная растительность, что она каждую свою свободную минутку старалась провести на речке. Побродить по зарослям ивняка, послушать пение птиц, посмотреть, как рыбка плещется. А тут ей ещё одна приятная забава добавилась, попозже на молодого красавца мельника взглянуть.

Впрочем, нельзя сказать, что Маринушка была совсем уж такая ветряная девица, и постоянно в праздных забавах время проводила, вовсе даже нет. Наоборот, она была девицей добродушной, целеустремлённой, чрезмерно образованной и всегда готовой к познанию чего-то нового. Вот только все её знакомые господа из высшего общества с коими ей приходилось общаться не вызывали у неё особого интереса. Все они были не такие, как бы ей хотелось. Уж больно они были какие-то жеманные, заносчивые, себялюбивые, эдакие спесивцы-гордецы больше похожие на красных девиц. В общем один пшик и ничего не стоящего.

А Марина хоть и была родовой графиней, однако больше тянулась к простым, натуральным людям с настоящими человеческими взаимоотношениями, а не к этим чопорным куклам из знати. Видимо сказывалось то, что в её роду были славные предки служившие отчизне в рядах сподвижников самого царя Петра. А уж тот был человеком близким к простым людям и порой ценил их выше, нежели чем каких-нибудь там зазнавшихся ленивых бояр. Вот и Марине были больше по душе люди работающие, настоящие, чего-то стоящие.

2

Ну а пока Мариночка гуляла, время быстро пробежало, она и оглянуться не успела, как и вечер подошёл. Вот уж и Никитушка пожаловал, муку привёз, пару больших двухпудовых мешков, а то как же, ведь хлебушка всем надо, и графской прислуге, и мастерам каменщикам, да и самим господам кушать хочется. Разгружает Никитушка мешки, в шатёр на кухню их заносит, да няньке-кухарке отдаёт. А сам-то только что с мельницы, весь белый, в муке, словно праздничный снеговик, ну красавец красавцем.

– Вот хозяйюшка, принимай,... а завтра к обеду я тебе ещё подвезу,... думаю, пока хватит... – говорит он няньке и весело так улыбается, а улыбка-то у него ярче снега белого, и отсвет вечерней зорьки на ней так и играет.

– Ага, милоч... вот и славно,... жду тебя завтра к обеду. Да и не забудь, к вечеру не два, а три мешка привезти,... ведь через день граф со свитой подъезжает,... на них тоже муки надо. Решил наш батюшка-граф доченьку попроведывать, так что ты уж расстарайся, подсоби, подвези мучицы-то... – предупреждает его нянька. А сама старается, зубы ему заговаривает, задержать его хочет, ведь она-то Мариночку загодя предупредила и теперь даёт ей возможность получше молодца рассмотреть.

Ну а Марина в этот момент, дабы форсу не терять, за шатёр спряталась, да и в щёлку заранее для неё приготовленную подсматривает, на Никитушку поглядывает. И тут надо же такому случиться, пыль от муки, поднятая Никитушкой при разгрузке, дошла и до Марины, да и в нос ей попала. Ну, понятное дело бедняжка не сдержалась да как чихнёт. И так сильно, что на ногах не устояла, на шатёр навалилась, руками всплеснула и прямо в ту подрезанную щелочку угодила. Ткань на шатре такого натиска не выдержала, треснула, да повдоль шва и разорвалась. А Мариночка голубушка прямехонько вовнутрь и ввалилась. Вот уж, какой конфуз получился. Да ладно бы она просто ввалилась, а то ведь прямо на мешки с мукой упала, и так неловко, что один из них лопнул, а мука из него большим облаком по всей кухне взметнулась.

– Апчхи-апчхи... – чихает Мариночка да остановиться никак не может. Тут уж и нянька-кухарка чихать принялась. И теперь они уже обе вместе белые от муки. Покрыла она их, окутала словно туман. Только Никитке ничего не делается, как стоял, так и стоит не чихает, при-

вычный он к такому. Смотрит на них, видит, какая чехарда с ними твориться, не выдержал, схватил их под мышку да одним махом на улицу и вытащил. На ноги поставил и смеётся.

– Ну, надо же, до чего у вас городских носы слабые,... муку выдержать не могут, сразу в чих пускаются.... – хохочет и пальцем на них показывает. Ему-то и невдомёк что ввалившаяся в шатёр девица и есть та сама графская дочь, ради которой здесь всё и строится. Никитушка-то по простоте своей широкой подумал, что это всего лишь ещё одна из господских служанок. Ведь он-то юную графиню никогда и в глаза не видывал, и знать не знал, как она выглядит. Да если бы и видел, то и не узнал бы, уж так она в муке перемазалась что её теперь и отец бы родной не узнал. Но вот Маринушка с нянькой на свежем воздухе прочихались, отдышались, и давай от муки отряхиваться.

– Ну, нет,... вы так от неё не избавитесь,... вы уж мне поверьте,... я мельник, я знаю! Вам бы девоньки теперь надо на речку купаться идти,... да прежде чем одёжу-то свою полоскать, снимите её да выхлопайте хорошенько! Бегите же скорей, пока барыня вас не видела,... чего стоите, а то она вам такую взбучку задаст, что век потом помнить будете,... говорят она ух какая строгая,... да и мне тут с вами за компанию на орехи от неё достанется... – продолжая, и дальше над ними потешаться, заметил Никитушка.

– А что,... это верно, надо бы нам пойти искупаться,... а то ведь теперь и не разобрать кто мы такие... – тоже засмеявшись, поддержала его Маринушка, и вдруг нарочито нахмурив бровь, спросила.

– А может это я барыня и есть,... или что же, по-твоему, я и на барыню не похожа? – упреков руки в боки, игриво молвила она.

– Ты,... барыня!? Да не смей меня! Ты бы себя сейчас видела!... да разве барыни такими бывают! – ещё больше рассмеявшись, глядя, на то, как она смешно выглядит, воскликнул Никита.

– Ах, так,... ну тогда я с тобой и спорить не стану,... лучше приходи-ка ты завтра! Вот я тебе в другом виде и покажусь! Посмотрим тогда кто прав! – задорно усмехнувшись, откликнулась Марина, и сейчас же шутливо изобразив реверанс, откланялась ему, давая понять, что разговор закончен.

На том они и распрощались. Никитушка к себе на мельницу отправился, а Маринушка с нянькой на реку купаться побежали. Никиту очень позабавило это небольшое происшествие, однако особого внимания он ему не придал и девицу испачканную мукой он даже и не запомнил, и уж тем более не разглядел. Ему и разглядывать-то было некогда, его работа ждала. А вот Марина его очень даже хорошо разглядела и запомнила. И более того он ей сильно понравился.

– Да нянюшка, ты была права,... какой же он славный! Такой замечательный, такой непосредственный, открытый,... а уж как выглядит,... ну, словно богатырь былинный! Куда там городским увальням до него,... да они ему и в подмётки не годятся. Ах, он просто великолепен! Ну, ничего я завтра как следует пододенусь, прихорошусь и тоже буду великолепна,... как раз ему под стать... – поделилась с нянькой своими наблюдениями Маринушка, когда они уже на речку пришли, стали купаться да от муки отмываться.

– Эх, молодость-молодость,... ну ничего-то ты милая в жизни не смыслишь,... никогда он тебе под стать не будет,... неровня он тебе,... ты же графиня, а он мельник! Вот увидит он тебя завтра в графском обличии да враз и заробеет! Слышала, как он про тебя отзывался,... мол, де строга ты как деспот,... вот и не станет он с тобой запросто разговаривать! Будет обращаться к тебе как к госпоже и никакой беседы у вас не получится,... тут по-другому надо, без всяких там замашек... – с лукавинкой отвечает ей нянька.

– Да, это ты правильно заметила,... не сможет он со мной как с ровней говорить, и не то чтобы заробеет, а просто не станет, да и всё! А уж я-то как с ним хочу подружиться! Ну и как же мне быть, что же делать-то, нянюшка? – поняв, что предстать пред Никитой «барыней» нельзя, спросила Марина.

– Ну, нешто ты своей выгоды не видишь,... вот принял он тебя за служанку, значит, тебе так ей и надо оставаться,... тогда у вас с ним и разговор завяжется, тогда и подружитесь... – с доброй душой тут же посоветовала нянька.

– Ах, нянюшка милая как же правильно ты придумала,... ну чтобы я без тебя делала,... так и поступим, спасибо тебе родная! – благодарно воскликнула Маринушка и на радостях аж в ладоши захлопала. На том и порешили.

3

Ну а на завтра едва взошло солнышко, Марина была уже на ногах и в ожидании прихода Никитушки вовсю примеряла самые незамысловатые наряды, что были в её распоряжении, сарафаны, платья, широкие юбки. И в конечном итоге выбрав легкий ситцевый сарафан своей горничной, осталась довольна. Горничной он всё равно был не нужен, она в это время уехала проводить свою престарелую тётушку. Так что Маринушка взяв её сарафан, решила не только выглядеть соответственно, но и на время понарошку занять её место.

И вот настал час и на кухне объявился Никитушка. Как всегда привычным движением он забросил мешки в шатёр и, обмолвившись с нянькой-кухаркой парой весёлых фраз уже было собрался уходить, как вдруг появилась Маринушка. Она до поры до времени пряталась за пологом и лишь ждала удобного момента, чтобы неожиданно выйти и произвести на Никиту благоприятное впечатление.

И ведь это ей удалось, впечатление было произведено, да ещё и какое. Появившись перед ним в незапачканной мукой одежде и с чистым лицом, она, конечно же, показалась ему чрезвычайно привлекательной. И это ещё мягко сказано. Её стройная, словно берёзка фигурка, ясные изумрудно-зелёные глаза, чуть вздёрнутый прелестный носик и белоснежная улыбка в сочетании со светло-русыми с рыжей задоринкой волосами, сплетёнными в тугую косу, моментально очаровали его.

– А это что за красавица!? Ты кто же такая будешь,... что за птица,... откуда к нам залетела? – поражённый Маришкиной красотой, zalюбовавшись её грациозной походкой, изумлённо спросил Никитушка.

– Как это кто? Вот те на, здарсьте вам! Вчера меня из шатра вытаскивал, от чиха спасал, а сегодня он меня уж и признавать не хочет! Ну что же ты за богатырь такой, коли, у тебя память коротка! – игриво кокетничая, весело шутя, откликнулась Маринушка.

– Да неужто ты та самая служанка-замарашка и есть? Ну и дела! Так вот оказывается, какая ты на самом деле! Ох, и хороша девица,... ох, и пригожа! – не в силах остановиться от восхищения запричитал Никита.

– Это что же ты меня служанкой-замарашкой называешь,... какая я тебе замарашка?... я нашей барыни горничная, и между прочим образованная. Вот пришла узнать скоро ли пироги для барыни будут готовы,... а то она сейчас поспать прилегла, а после сна её очень-но на пироги тянет,... привычка у неё такая, после дремоты пирогов откусать... – хитро усмехнувшись на его причитания, заметила Марина.

– Ну, извини, попутал маненько,... по мне так ты ни на служанку, ни на горничную не похожа,... вон какая ты ныне царевна! Ты уж прости меня, что сразу в тебе красоты такой не признал, не заметил,... может я смогу чем-нибудь загладить свою вину,... может, чем угодить тебе смогу? – широко от всей души разулыбавшись и искренне надеясь на продолжение их разговора, предложил ей Никита.

– Ха! Может и сможешь,... вот только дай-ка я подумаю чем,... уж и не знаю, чтобы мне такого замыслить, дабы я тебя простила! А может, ты сам чего подскажешь? – хитро прищурившись, весело переспросила Маринушка.

– Я даже не знаю, что подсказать,... а давай я тебя пока на прогулку приглашу,... там-то ты мне прощенье и придумаешь, а? – тоже хитро прищурившись, откликнулся Никита.

– Прогуляться говоришь,... а что давай и пройдемся! Всё равно барыня пока поспать прилегла и я ей сейчас не нужна,... так что до вечера я свободна. Ну что же, пошли, придумаем, как мне тебя простить... – совсем уж развеселившись с радостью, согласилась Марина, ведь ей и самой уже скорей хотелось уйти из шатра и остаться наедине с Никиткой.

– Ну и чудесно,... мне тоже только к вечеру надо сюда вернуться,... выходит и я свободен! Вот и пойдём по речке, по бережку пройдемся, ну а я, чтобы тебе легче меня прощать было, про себя расскажу да мельницу свою покажу. Уверен, что тебе будет интересно посмотреть, откуда для твоей барыни мука берётся. Кстати, а как тебя величать? Меня-то ты знаешь, как называть,... а я вот твоё имя не ведаю... – обрадовавшись возможности познакомиться со столь прелестной девицей, спросил Никита.

– А зовут меня,... э-э-э,... как и барыню нашу,... Марина! – чуть замешкавшись, лукаво ответила Маринушка.

– Ну и прекрасно,... так идём же скорей,... мне уже не терпится показать тебе свою мельницу и вдоволь наговориться... – не замечая Маринушкиной лукавинки, откликнулся Никита и, взяв её за руку, быстрее вывел из шатра.

– Ой, и о чём же мы с тобой говорить будем? – на ходу смешно ойкнула Марина.

– Да обо всем,... о чём только душе угодно! – увлекая её за собой, задорно ответил Никитушка и они, засмеявшись, побежали к речке.

– Ух, понеслись касатики,... ох полетели милые,... ну словно голубки,... ах какие же они ладные... – выглядывая из шатра, умиленно пустив слезу, молвила им в след нянюшка. Но ребята этого уже не слышали, они преисполненные друг к другу светлыми чувствами, были полностью поглощены своей приятной беседой. Говорили, о чём хотели, и о погоде, и о ценах на муку, и о речке, и о шатрах на её берегах, заговорили даже и о графской стройке, а потом дошли и до самой графинюшки.

– А что,... правда твоя барыня из моей муки пироги любит? Вон, ты всё бегаешь на кухню о них справляться... – весело пошучивая, спросил Никитушка.

– Ох, и любит,... и ест их с утра до ночи... – так же весело пошучивая, отвечала Маринушка.

– Эх, она, наверное, и толстощёкая же твоя барыня, коли столько пирогов за день поедает... – весело балагурия, опять спросил Никитушка. Ну а Маринушка вновь ему что-то шутливое ответила, а Никитушка снова её о чём-то спросил, так они и пошли по бережку, слово за слово, задорно беседуя, уже почти влюблено поглядывая друг на друга.

Но вот впереди показалась знакомая излучина, а там уж и мельница стала видна. Вот только в её виде Никитушку что-то насторожило. Что-то в ней не так было, что-то неладное. Хотя снаружи всё вроде бы спокойно, а вот внутри непонятно что твориться. Шум какой-то странный стоит, и подозрительно половицы скрипят.

– Это кто же там у меня балует!? А ну Маринушка пойдём-ка быстрее,... сейчас я этим непрошеным гостям покажу, кто в доме хозяин! – заметив такой раскардаж, воскликнул Никитушка и прибавил шаг. А уже буквально через минуту они были возле мельницы. Никитушка с силой пнул дверь и вскочил вовнутрь, Маринушка же за ним кинулась. То, что они там увидели, поразило их до бескрайности.

Трое уродливых, хвостатых гоблинов прыгали по мельнице и устраивали в ней страшный кавардак. Они явно искали что-нибудь такое, чем бы им можно было поживиться. Мешок с зерном, чтобы его утащить, они уже приготовили, и теперь собирались забрать ещё и муку. Никита так стремительно ворвался на мельницу что они, не успев на это отреагировать, ещё некоторое время так и продолжали бесноваться, прыгая подле мешков с мукой.

– Ах вы чёртово племя! Вот же повадились воровать да грабить! Ну, я вас сейчас! – вскричал Никита, и лихо, схватив увесистую подпорку под дверь, замахнулся ей на гоблинов.

– Ой-ой-ой,... постой не бей нас! Какое это мы тебе чёртово племя,... мы вовсе не ваши черти,... а мы гости зарубежные, мы гоблины прелестные! Так что бить нас не положено! Нас уважать и привечать надо! – заметив занесённый над их головами подпор, запричитали гоблинята, а сами быстрее к окошечку поближе продвигаются, тачаться в него да безнаказанно выскользнуть норовят.

– Это, какие же вы для меня гости,... что вы мне тут голову морочите! Я вас что, к себе звал? Нет! Ну, так и пошли вон! Ишь понаехало вас супостатов чужестранных,... людям от вас продыху нет! Слышал я, что вы есть такие, чудища поганые,... и что воровством промышляете, да вот только руки у меня всё не доходили приструнить вас! Ну, ничего сейчас, пожалуй, и возьмусь,... отобью вам охотку по чужим сусекам лазить! Ох, отобью и не пожалую! – преграждая гоблинам, путь к побегу, сурово наступая, прикрикнул на них Никитушка.

– Ой, не надо! Ты что же нас беззащитных такой огромной дубиной бить станешь, мы же маленькие,... да ещё и при девице красной,... зачем же ты нас перед ней-то колотить будешь... – надеясь на жалостливость Марины, заныли, запросили прохиндеи хитрые, видя, что у них нет выхода.

– Ну ладно уродцы хвостатые,... уговорили, не стану я вас дубиной бить! Однако вину вашу вам искупить всё же придется, высеку-ка я вас хворостиною по одному месту, дабы вам впредь неповадно было по чужим домам шастать! Ну а потом и отпущу по добру по здорову,... но уж в другой раз вы мне не попадайтесь,... тогда отхожу по-настоящему! – ухмыльнувшись незлой улыбкой, воскликнул Никита, схватил гоблинят за их хвосты, взял ивовую хворостину, что в углу стояла, да и высек каждого негодника по причинному месту. Но не сильно, а так лишь для проформы. Ну а, наподдав им, сейчас же и выпустил на волю. А гоблинята бестии хитрющие, выскочили из мельницы, но убегать никуда не торопятся. Трусливо отскочили на безопасное расстояние, и тут же давай Никитку оскорблять да угрожать ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.